

Список источников

1. Бордачев, Т. Карабахские уроки для Москвы / Т. Бордачев // Профиль. – 2023. – № 39–40. – С. 47.
2. Лукьянов, Ф. Полуполярный мир / Ф. Лукьянов // Профиль. – 2023. – С. 15–18.
3. Лукьянов, Ф. Что будет после статус-кво / Ф. Лукьянов // Российская газета. – 2023. – 9 ноября. – С. 2.

А.А. Татаров, кандидат исторических наук, доцент

С.А. Татарова, студент

КБГУ им. Х.М. Бербекова (Нальчик)

НА ПУТИ К СТАБИЛЬНОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ АДЫГОВ В СОВЕТСКИХ АВТОНОМИЯХ В 1920–1980-е гг.

С 1917 г. для адыгов (кабардинцы, адыгейцы, черкесы), как и других северокавказских народов, решалась судьба нового вектора политического развития. Эксперимент с Горской Автономной Социалистической Советской Республикой (ГАСССР) в 1921–1924 гг. не обеспечил эффективной консолидации в «неспокойном» крае после Гражданской войны.

Выход Кабарды из ГАСССР уже в 1921 г. продемонстрировал не только объективные сложности проекта советской горской федерации, но и определенные стремления местной адыгской элиты, которые при этом стремились не противоречить интересам Центра. С одной стороны, X съезд РКП(б) в 1921 г. обозначил запуск политики коренизации, заключавшейся в систематическом повышении доли представителей северокавказских этносов в партийно-государственном аппарате. С другой стороны, кабардинские политические лидеры были заинтересованы в появлении кабардинской автономии на фоне роста национального движения в этот период [2, с. 41, 44]. Центр определенно стремился к административной сегментации адыгского народа и углублению его идентификационной дифференциации [5, с. 68], что вылилось в объединение Кабарды и Балкарии в единую АО (1922 г.) и создание Черкесской Автономной области (АО), Адыгейской АО и Шапсугского национального округа. Таким образом, в 1920-х гг. в рамках таких новых консоциативных проектов как Адыгейская АО, Карачаево-Черкесская АО, Шапсугский, появляются четыре «официальные» адыгские национальности (кабардинцы, черкесы, адыгейцы и шапсуги). За исключением Шапсугского района, упраздненного в 1945 г., остальные проекты оказались долговечными.

Как ни парадоксально, в своей новейшей истории адыги впервые смогли приблизиться к статусу государства в разгар тоталитаризма и репрессий 1930-х гг. В 1936 г. Кабардино-Балкария была преобразована в автономную республику (КБАССР), в 1937 г. состоялось принятие ее конституции. По справедливому замечанию А.Х. Борова, значение последней было бы неверно сводить лишь к «тоталитарному» контексту, так как благодаря Конституции были заложены важнейшие атрибуты государственности и конституционные механизмы будущих общественно-политических преобразований [1, с. 126].

Это десятилетие также ознаменовало отход от политики коренизации и поворот к унификации, а вместе с тем такие перемены как приток русскоязычного населения и снижение титульного населения в автономиях, переход северокавказских языков к кириллице, бескомпромиссная антиисламская кампания и борьба с некоторыми «пережитками». Вместе с тем, уже в довоенную эпоху и в период Великой Отечественной войны адыги допускались к ключевым должностям в регионах своего проживания. В Кабардино-Балкарии первыми секретарями обкома ВКП(б) работали Б.Э. Калмыков (1930–1938 гг.) и З.Д. Кумехов (1939–1944 гг.).

Период Великой Отечественной войны стал тяжелым испытанием для регионов проживания адыгов, которые оказались в зоне боевых действий и нацистской оккупации 1942–1943 гг. В 1944 г. состоялось смещение с должности и обвинение первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) З.Д. Кумехова (1939–1944 гг.) в серьезных просчетах в период войны и нацистской оккупации в 1942–1943 гг. Отставка Кумехова последовала за депортацией балкарского народа и образованием Кабардинской АССР. Негативная оценка работе команды Кумехова была вынесена в политической справке по положению среди кабардинцев, подготовленной для отчета в Москву его преемником Н.П. Мазиным (1944–1949 гг.). Также справка обвиняла кабардинский народ в «недостойном» поведении в период оккупации [4, л. 16, 22].

В ходе Великой Отечественной войны доверие Центра к представителям адыгской элиты заметно снизилось и в Адыгейской и Черкесской АО. Лишь после смерти И. Сталина и возвращения депортированных народов титульные национальности Северного Кавказа получили более широкие возможности политического участия. Если в сталинскую эпоху форсированная модернизация и массовые репрессии откладывали вопрос о гибком этническом представительстве в сфере управления, то с конца 1950-х гг. в регионах, где адыги входили в число титульных народностей, стали вырисовываться определенные закономерности этнического квотирования. Кроме этого, приближение к базовой модели естественного государства после сталинской эпохи позволяло Центру воспользоваться некоторыми плодами модернизации,

в частности, улучшением знания русского языка среди коренных народностей, формированием формальных социальных лифтов, которые могли быть выгодной альтернативой родственным и этническим связям.

Определенные конфигурации этнического квотирования и баланс профессионализма и лояльности позволили сформировать региональные элиты, обеспечившие в 1950–1970-х гг. стабильное положение в регионах проживания адыгов. Символическое сближение Центра и автономий Северо-Западного Кавказа было подчеркнуто в 1957 г. в ходе празднования «400-летия добровольного присоединения» адыгов к России, прошедшего в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Данные мероприятия сопровождались почетными награждениями как передовиков за их успехи в хозяйственном и культурном строительстве, так и самих регионов [3, с. 353–354]. Президиум Верховного Совета СССР наградил Карачаево-Черкесскую и Адыгейскую АО и Кабардино-Балкарскую АССР (второй раз после 1930 г.) орденами Ленина.

В эпоху первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома КПСС Т.К. Мальбахова (1956–1985 гг.) на республиканском уровне сложился политический баланс, обеспечивавший межэтническую солидарность – в то время, как представитель адыгов-кабардинцев как наиболее многочисленного этноса занимал должность первого секретаря, председателями Президиума Верховного совета КБАССР назначались представители вернувшихся из депортации балкарцев (Ч.Б. Уянаев (1959–1967 гг.) и М.И. Геттуев (1967–1979 гг.)), а вторыми секретарями обкома избирались русские (Г.А. Хубаев (1957–1968 гг.) и Н.Н. Крупин (1968–1977 гг.)).

В других автономиях сложились непохожие сценарии. В Адыгее адыги не допускались к должности первого секретаря обкома ВКП (б)/КПСС начиная с 1935 г., когда умер Ш.-Г.У. Хакурате. Но после Великой Отечественной войны политические лидеры адыгов в регионе получают беспрецедентный кредит доверия и возможности, которые отсутствовали в других автономиях. С 1949 г. первыми секретарями обкома неизменно были представители адыгского меньшинства (чуть более 20 % населения автономии) – Х.Б. Каде (1949–1954 гг.), И.С. Чундоков (1954–1960 гг.), Н.С. Берзегов (1960–1983 гг.); в исполкоме Областного Совета Адыгейской АО председательствовали И.С. Чундоков (1952–1954 гг.), С.Т. Непшекуев (1954–1968 гг.), М.С. Хут (1968–1980 гг.).

В период существования Черкесской АО в 1928–1957 гг. адыги (А.А. Аргунов и Ш.А. Тенгизов) находились на должности первого секретаря обкома менее года в 1937–1938 гг.; с 1957 г. областной комитет КПСС в объединенной Карачаево-Черкесской АО возглавлялся исключительно русскими. Несмотря на незначительную численность адыгов в области (менее 10 %), их представители занимали видные позиции в управлении в послевоенную

эпоху: в 1952–1964 гг. З.К. Карданов занимал должность председателя Карачаево-Черкесского облисполкома, а У.Е. Темиров являлся вторым секретарем Карачаево-Черкесского обкома в 1965–1991 гг.

Таким образом, период 1920–70-х гг. сыграл важную роль в становлении политических институтов адыгского народа: автономные регионы и статус титульной национальности; институты, поддерживающие межэтнические связи адыгов и соседних народов (карачаевцев, балкарцев, русских и др.), доступ представителей адыгов к управлению в территориях их исторического проживания. В целом, приведенный анализ демонстрирует, что в советскую эпоху (особенно с 1950-х гг.) постепенно увеличивался уровень доверия Центра к адыгским политическим лидерам в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

Список источников

1. Боров, А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза) / А. Х. Боров. – Нальчик : Каб.-Балк. ун-т, 2007. – 298 с.
2. Дзамихов, К. Ф. О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) / К. Ф. Дзамихов, А. Г. Кажаров // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 3 (42). – С. 39–58.
3. Очерки истории Карачаево-Черкесии : в 2 т. / под ред. В. П. Невской. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1967. – Т. 2. – 448 с.
4. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. Оп. 88. Д. 286.
5. Цуциев, А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004 гг.) / А. А. Цуциев. – М. : Европа, 2007. – 128 с.